

Дмитрий Артюхов



ЛИЦЕНЗИАР АНОМАЛИЙ

Дмитрий Артюхов

Лицензиар Аномалий

«Автор»

2026

Артюхов Д. В.

Лицензиар Аномалий / Д. В. Артюхов — «Автор», 2026

Авдей Петрович Мышкин, инспектор ВУНРеБА, любил порядок больше жизни. Для него не существовало необъяснимого — было лишь то, что еще не успели занести в реестр. Но однажды на его стол легла папка с пометкой «бис» — дело, от которого коллеги бежали в бессрочный отпуск. Объект проверки — дом 13 на Заболотистой улице. Он не просто старый, он живой. Здесь коридоры меняют длину в зависимости от настроения, ложки сами размешивают сахар, а в зеркалах живут наглые двойники. Задача Авдея проста и цинична: признать дом опасной аномалией и освободить землю для застройщика «Строй-Магистр». Но как подписать акт о сносе зданию, у которого есть душа? И как измерить лазерной рулеткой дымоход, засоренный не сажей, а старой обидой? Авдею предстоит сложный выбор: остаться безупречным винтиком бюрократической машины или, впервые нарушив инструкцию, встать на защиту того, что подлежит лишь уничтожению. Ведь иногда, чтобы восстановить порядок, нужно сначала понять суть хаоса.

Дмитрий Артюхов

Лицензиар Аномалий

Глава 1. Дело № 0-Ч-3/С-77-бис, или О недопустимости самовольного изменения кадастровых реалий

Авдей Петрович Мышкин любил порядок. Любил так, как иные любят женщин, деньги или, скажем, сдобные булочки с корицей. Порядок был его религией, его музой и его единственным, но надежным как швейцарский сейф другом. На его рабочем столе, отполированном за годы службы до тусклого блеска, каждая вещь имела свое утвержденное многолетней практикой место. Карандаши — строго грифелем вверх, в граненом стаканчике слева. Бланки — тремя стопками справа: для первичного осмотра, для актов несоответствия и, самая пухлая, для служебных записок. Даже чашка с остывшим ромашковым чаем стояла на специальном пробковом кругляше, который, в свою очередь, располагался на расстоянии ровно одного указательного пальца от края стола.

Эта любовь к системе делала его идеальным инспектором 3-го класса Ведомства по Учёту, Надзору и Регламентации Бытовых Аномалий. ВУНРеБА. Само это слово звучало для Авдея Петровича музыкой. В нем слышался скрип перьев, шелест переворачиваемых страниц в архивных папках и мерное гудение охранных рун, отпугивающих от здания Ведомства несанкционированные сквозняки.

Сегодняшнее утро, впрочем, несло в себе едва уловимый аромат хаоса. Он витал в воздухе, как запах гари от неудачного алхимического опыта. Началось всё с того, что секретарь начальника, Верочка, пронеслась мимо его стола, не сказав дежурного «доброго утрачка», а лишь метнув на него взгляд, полный сочувствия. Так смотрят на приговоренных к годовой свержке архива. Сердце Мышкина, обычно стучавшее в строгом ритме маятника, потеряло один удар.

Вызов в кабинет начальника, Павла Игнатьевича Боровкова, не заставил себя ждать.

— А, Мышкин! Заходи, сокол! — прогремел Боровков. Начальник был полной противоположностью Авдея. Крупный, громогласный, с пышными усами, которые жили своей, совершенно независимой от регламента жизнью. Его стол был вечным полем битвы между документами, недоеденным бутербродом и коллекцией сувенирных мини-порталов, из которых то и дело высывалось что-то любопытное и немедленно получало щелбан.

— Вызывали, Павел Игнатьич? — Авдей Петрович вошел, инстинктивно прижав к груди воображаемый портфель.

— Вызывал Петрович, вызывал. Дело есть. Особой, кхм, заковыристости. — Боровков почесал ус и протянул Авдею тонкую, но пугающе потрепанную папку. На обложке выцветшими чернилами было выведено: *«Дело № 0-Ч-3/С-77-бис. Объект: жилой дом. Предварительный статус: злостное неповиновение»*.

У Мышкина похолодело внутри. «Бис». Это коротенькое слово в номенклатуре Ведомства означало только одно: дело было возвращено предыдущим инспектором с пометкой «невозможно к исполнению». А такое случалось реже, чем самовозгорающиеся налоговые декларации.

— Павел Игнатьич, так ведь это дело Горемыкина. Он же после него... — начал было Авдей.

— В бессрочный отпуск пошел, знаю! — отрезал начальник. — Нервишки подлечить. Говорит, дом над ним насмеялся. Представляешь? Насмеялся! Заявил, что у него лестница в уме не укладывается. Будто она у него, у Горемыкина, в уме поместиться должна! Она в плане БТИ помещаться обязана, вот где!

Боровков побагровел, но быстро взял себя в руки.

— Короче, Мышкин. На этот участок на Заболотистой улице глаз положил «Строй-Магистр». Солидная контора, хотят там возвести жилой комплекс «Изумрудные башни» с централизованным астральным отоплением. А эта развалюха им как кость в горле. Нам нужно дать официальное заключение. Либо ставим на учёт, если оно хоть каким-то нашим ГОСТам соответствует. Либо... — он многозначительно поднял палец, — признаем аномалией класса «Н», нестабильной, и даём предписание на регламентированный снос. Понимаешь?

Авдей Петрович понимал. Он понимал, что его отправляют в пасть к неизвестному чудовищу с одной лишь папкой и верой в силу правильно составленного протокола.

— Задача ясна, — отрапортовал он, чувствуя, как капелька пота медленно ползет по спине, нарушая идеальный порядок его накрахмаленного воротничка.

— Вот и славно! — просиял Боровков. — Ты у нас дотошный, Петрович. Умный. Ты с этим домом не по-горемыкински, не душой, ты с ним по инструкции! По форме! Обложи его актами, предписаниями, запросами! Забюрократь его до смерти! Иди.

Выйдя из кабинета, Авдей Петрович почувствовал себя гладиатором, выпущенным на арену. Путь на Заболотистую улицу был сродни путешествию в другую реальность. Центр города жил своей, упорядоченной магической жизнью. Вот мимо проплыла персональная дождевая тучка над цветочным магазином, орошая петунии; на боку тучки тускло блестел номерной жетон ВУНРеБА. Вот мальчишка пробежал в самозашнуровывающихся ботинках (аномалия класса «Б», пошлина — три медяка в год). Всё было знакомо, учтено и занесено в реестр.

Но чем дальше автобус увозил его от центра, тем более разреженным становился воздух порядка. Заболотистая улица оказалась последним оплотом цивилизации перед бескрайними торфяными полями. Она полностью оправдывала свое название: кривая, сырая, пропахшая тиной и застарелыми тайнами.

Дом №13 стоял в самом конце.

Он не выглядел зловеще. Нет. Он выглядел неправильно. Словно его нарисовал ребенок, еще не до конца освоивший законы перспективы. Один угол казался острее, чем должен быть, крыша была неувовимо асимметрична, а количество окон, если смотреть на фасад слева, никак не хотело совпадать с их количеством, если смотреть справа. Авдей Петрович трижды обошел дом по периметру, и каждый раз его внутренний калькулятор выдавал ошибку.

«Так, спокойно, — сказал он сам себе, доставая из портфеля планшет с зажимом. — Начинаем с первичного осмотра экстерьера. Форма 12-а».

Калитка была ржавой, но не запертой. Она открылась с таким душераздирающим скрипом, что у Мышкина заныли зубы. Скрип был сложным, многотональным, и инспектор невольно отметил про себя: *«Тянет на акустическую аномалию 2-й категории. Требуется согласование с отделом Шумов и Вибраций»*.

Он прошел по заросшей дорожке к крыльцу. Дверь, обитая потрескавшейся кожей, выглядела древней. Никакого звонка, разумеется, не было. Авдей Петрович трижды постучал костяшками пальцев. Звук получился глухим, мертвым, будто он стучал в крышку гроба.

Он подождал минуту. Тишина.

Он постучал еще раз, уже настойчивее, вложив в стук всю мощь и неотвратимость Ведомства.

И тут дверь беззвучно, сама собой, приоткрылась. Из щели пахло пылью, сушеными травами и чем-то еще, неувовимо знакомым... запахом бабушкиных сказок.

— Есть кто дома? — робко спросил Авдей, заглядывая внутрь. — Инспектор Ведомства по Учёту...

Договорить он не успел. В темном коридоре, прямо напротив двери, висело старое, тусклое зеркало в почерневшей раме. И в тот момент, когда Авдей заглянул внутрь, его собственное отражение в этом зеркале подмигнуло ему и приложило палец к губам, словно призывая к молчанию.

Авдей Петрович Мышкин замер, глядя на отражение, которое явно жило собственной жизнью. В его голове, как набатный колокол, билась лишь одна мысль, единственно правильная в этой ситуации:

«Это в какой бланк вписывать?!»

Мысль о бланках была не просто панической. Она была спасательным кругом. Для Авдея Петровича любая, даже самая чудовищная аномалия, переставала быть таковой, как только для неё находилась соответствующая графа в документе. Описанное, учтенное и подшитое — значит, практически обезвреженное.

Он застыл, вцепившись в ручку портфеля с такой силой, что побелели костяшки. Его отражение — назовем его для ясности «субъект зеркальный, неустановленный» — не спешило исчезать. Оно, напротив, устроилось в раме поудобнее, чуть склонило голову набок и посмотрело на Авдея с выражением нескрываемого сочувствия. Будто не он, инспектор при исполнении, а оно, отражение, было здесь представителем власти, к которому на прием пришел очередной чудак-проситель.

Авдей Петрович судорожно сглотнул. В голове, как на старинных счетах, щелкали костяшки параграфов. *Так. Отражение самопроизвольное, мимическое. Не является иллюзией (глаза не слезятся, в ушах не звенит). Не является призраком (отсутствуют температурная аномалия и эктоплазменные следы). Подпадает под параграф 4, пункт «д» Инструкции по работе с объектами зеркального типа: «Проявление независимой или квазиразумной активности». Требуется составления Акта формы 3-14 с привлечением специалиста-оптика 2-го разряда и...*

Его мыслительный процесс был прерван. Из глубины темного коридора донеслось шарканье. «Шарк, шарк». Звук домашних тапочек, старых и, несомненно, очень удобных.

— Ну чего стоишь на пороге, мил человек? Простынешь, — раздался дребезжащий, но на удивление бодрый старушечий голос. — Петрович-младший, а ну не балуй! Испугаешь гостя, компотом не поделюсь!

Субъект в зеркале тотчас принял испуганный вид, вжал голову в плечи и сделал вид, что он — самое обычное, скучное отражение.

Из темноты появилась хозяйка. Это была крохотная, высохшая старушка в ситцевом халате с цветочками, которые, казалось, были старше самого Авдея. Седые волосы были собраны в небрежный пучок, а на носу сидели очки с такими толстыми линзами, что глаза за ними казались двумя удивленными смородинками.

— Вы Серафима Аркадьевна? — преодолевая оцепенение, спросил Мышкин.

— Она самая, — кивнула старушка. — А ты, чай, из Ведомства? Горемыкин-то, бедолага, всё грозился, что сменщика пришлет. Говорил, умом тронется тут. А я ему: не тронешься, милоч, тут трогаться нечем, тут жить надо. Проходи, раз пришел.

Она махнула рукой, приглашая войти. Авдей Петрович, бросив последний подозрительный взгляд на зеркало (оно теперь отражало его с безупречной точностью, но, казалось, в глубине изображения всё еще таилась насмешка), шагнул через порог.

И немедленно споткнулся на ровном месте.

— Осторожнее! — всплеснула руками Серафима Аркадьевна. — Фёдор не любит, когда по нему чужие топчутся.

— Фёдор? — не понял Авдей, оглядывая абсолютно ровные, хоть и старые, половицы.

— Половица эта, — пояснила старушка как о само собой разумеющемся. — С характером. Ты на неё наступил, вот она и выпятилась. Ты извинись.

Авдей Петрович застыл в позе человека, которому предложили провести служебное расследование в отношении асфальтового катка. Извиниться. Перед половицей. Этого не было ни в одной инструкции. Даже в приложении к разделу «Взаимодействие с разумными стройматериалами», которое он, к своему стыду, читал по диагонали.

— Гражданка... — начал он своим самым официальным тоном, пытаясь вернуть ситуацию в бюрократическое русло. — Я инспектор Мышкин. Мне поручено провести инвентаризацию вашего домовладения с целью...

— С целью снести нас к лешему, знаю, — беззлобно перебила старушка. — «Строй-Магистр» этот ваш, как комар зудит, третий год уж. Ты лучше скажи, чай будешь с малиновым вареньем? Дом любит, когда в нём пахнет вареньем, сразу добреет.

Она, не дожидаясь ответа, прошуршала в сторону кухни, оставив Авдея одного в полутемном коридоре. Дом молчал. Но это молчание было тяжелым, внимательным. Инспектор чувствовал себя так, словно его разглядывают сотни невидимых глаз. Скрипнула половица где-то наверху. Тяжело вздохнула печь в гостиной. Даже пылинки, пляшущие в косом луче света из окна, казалось, выстраивались в какие-то осмысленные, но непонятные ему узоры.

«Собраться, нужно собраться!» — приказал себе Мышкин. Страх — это неконструктивно. Есть задача, есть методика. Он достал из портфеля свой главный инструмент, свою гордость — регламентированную лазерную рулетку «Точность-М», поверенную в Главной Палате Мер и Весов.

— Начнем с базовых параметров, — пробормотал он сам себе, направляя красный лучик в дальний конец коридора. — Длина помещения...

Он нажал на кнопку. Рулетка пискнула. На маленьком экране высветилось: *12,04 м.*

— Так, — Авдей Петрович аккуратно занес цифру в бланк. — Теперь ширина.

Он повернулся на девяносто градусов, измерил. *1,82 м.* Всё шло на удивление гладко. Возможно, Горемыкин был просто истериком? Возможно, дом, почувствовав твердую руку профессионала, смирился?

Чтобы закрепить успех, он решил провести контрольный замер длины. Снова направил лучик в конец коридора. Писк.

На экране было: *11,98 м.*

Авдей Петрович моргнул. Он протер экранчик специальной замшевой тряпочкой. Снова нажал.

12,01 м.

Он почувствовал, как по спине снова побежала та самая предательская капелька пота. Он навёл рулетку еще раз.

13,15 м.

Коридор не менялся. Он выглядел абсолютно так же, как и минуту назад. Но цифры... цифры плясали, как пьяные на ярмарке. Это было невозможно. Это было антинаучно. И, что хуже всего, совершенно не документируемо. Какую цифру вписывать в отчет?! Среднее арифметическое?

— А я тебе говорила, — раздался из кухни голос Серафимы Аркадьевны, — дом с характером. Он не любит, когда его меряют. Считает это неприличным. Ты бы лучше чаю выпил.

Из кухни донесся умопомрачительный аромат малины.

Авдей Петрович стоял посреди коридора, который то ли сужался, то ли расширялся, с бесполезным чудом техники в руке. Его мир, построенный на точных цифрах, допусках и погрешностях, трещал по швам. Он посмотрел на рулетку, потом в темный проем кухни, откуда так уютно пахло вареньем.

И впервые за свою многолетнюю службу он понял, что инструкция на этот случай еще не написана. И, возможно, не будет написана никогда.

Глава 2. О недопустимости применения кухонной утвари не по прямому назначению и тактическом значении чаепития

Решение пришло не сразу. Оно зародилось в той части мозга Авдея Петровича, которая отвечала не за параграфы и инструкции, а за выживание. Это было решение, продиктованное веками эволюции, позволившей предкам инспектора Мышкина пережить мамонтов, леднико-

вые периоды и, что гораздо страшнее, внеплановые квартальные отчеты. Он решил провести тактическое отступление на заранее подготовленные позиции, а именно — на кухню.

Он не сдался. Нет. В его внутреннем лексиконе такого слова не существовало. Он просто менял диспозицию для более глубокого анализа противника. Чаепитие с гражданкой Серафимой Аркадьевной отныне классифицировалось как «сбор устных показаний в неформальной обстановке».

— Иду! — сказал он с той степенью важности, с какой полководец соглашается на перемирие.

Кухня оказалась на удивление уютной. И, к облегчению Авдея, подчинялась законам евклидовой геометрии. По крайней мере, на первый взгляд. Большой деревянный стол, накрытый клетчатой скатертью. Пузатый чайник на плите, уже начинающий добродушно пофыкивать паром. И аромат. Этот аромат малинового варенья был настолько плотным, густым и всепроникающим, что, казалось, его можно резать ножом и намазывать на хлеб.

— Присаживайся, милочка, не стесняйся, — прошамкала Серафима Аркадьевна, доставая с полки две разные чашки. Одна была солидной, фаянсовой, с изображением пастушки. Другая — простая, граненая, из тех, что переживут падение с пятого этажа и даже не треснут. Солидную чашку она поставила перед Авдеем.

Мышкин сел на краешек табуретки, положив драгоценный портфель на колени. Он был в стане врага, расслабляться нельзя.

— Так вот, гражданка, — начал он, решив ковать железо, пока оно не превратилось в какую-нибудь не классифицируемую субстанцию. — По поводу нестабильности пространственных характеристик коридора.

— А, это он балуется, — отмахнулась старушка, насыпая в заварник щедрую порцию чая. — Настроение у него сегодня игривое. Ты на него не серчай. Он у меня с норовом, но отходчивый. Вот учует запах варенья, сразу покладистей станет.

Чайник на плите вдруг издал тоненький, мелодичный свист. Но это был не просто свист. Это была вполне узнаваемая мелодия старинного вальса. Просвистев два куплета, чайник деликатно замолчал.

Авдей Петрович замер с открытым ртом. «Акустическая аномалия, музыкальная, самовоспроизводящаяся. Класс... класс...» — лихорадочно соображал он. Подходящего класса не находилось.

— О, «Дунайские волны», — улыбнулась Серафима Аркадьевна. — Значит, доволен. Хороший знак.

Она поставила на стол вазочку с вареньем и сахарницу. И тут Авдей Петрович увидел это. Ложечка в сахарнице. Она была абсолютно неподвижна. Но в тот момент, когда Серафима Аркадьевна отвернулась, чтобы снять чайник с плиты, ложечка шевельнулась. Она лениво повернулась, зачерпнула немного сахара и элегантно движением стряхнула его обратно. Словно разминалась.

Инстинкт инспектора взял верх над изумлением. Это! Вот оно! Конкретное, осязаемое нарушение! Не какой-то там неуловимый коридор, а материальный объект!

— Прошу прощения! — почти выкрикнул он, заставив старушку вздрогнуть.

Он молниеносно расстегнул портфель, извлек свежий бланк «Акта о фиксации самодвижущегося объекта, категория „Бытовая утварь“» (форма У-7) и положил его на край стола, подальше от липких следов варенья.

— Что такое, милый? — не поняла Серафима Аркадьевна.

— Объект! — торжествующе произнес Авдей, указывая дрожащим пальцем на сахарницу. — Проявляет признаки несанкционированной автономной моторики!

Старушка посмотрела на ложечку, потом на инспектора.

— А, это Степан, — сказала она. — Он сахар перемешивает, чтобы не слеживался. Очень хозяйственный.

«Степан», — механически записал Мышкин в графу «Предположительное наименование объекта».

— Гражданка, вы понимаете, что любой самодвижущийся столовый прибор подлежит обязательной регистрации? — строго спросил он, чувствуя, как возвращается уверенность. — Необходимо установить его привод, источник энергии и степень потенциальной опасности для пользователя!

— Какая опасность, милоч? Он же не кусается, — пожала плечами хозяйка, разливая ароматный чай по чашкам. — Он, наоборот, даже помогает. Заботливый.

Авдей Петрович уставился в бланк. Графа «Источник энергии». Что писать? Магия? Это было слишком общо и ненаучно. «Неустановленный кинетический импульс»? Звучало солидно. Он уже начал выводить буквы, когда ложечка «Степан» снова ожила. Она высунулась из сахарницы, повернулась к бланку, словно прочитала написанное, и осуждающе покачала ручкой из стороны в сторону. Затем снова нырнула в сахар.

Рука инспектора застыла в воздухе. Объект не просто двигался. Объект, похоже, обладал собственным мнением относительно заполняемых на него документов. Это уже тянуло на совершенно другую форму — «Акт о противодействии представителю власти со стороны неодушевленного, но предположительно разумного объекта». Такого бланка в его портфеле не было. Его, скорее всего, вообще не существовало в природе.

— Вы видите? — прошептал он. — Оно выражает несогласие!

— Ну, я же говорю, с характером, — ничуть не удивилась Серафима Аркадьевна. — Ему имя не нравится, которое ты записал. Он не «объект». Он — Степан. Ты пей чай, не отвлекайся, остынет.

Авдей Петрович в полном смятении отложил бланк. Он сделал глоток чая. Чай был восхитителен. С нотками каких-то трав, с глубоким, бархатным вкусом и, конечно, с этим божественным ароматом малины. Он незаметно для себя сделал второй глоток, потом третий. Напряжение, державшее его в тисках с самого утра, начало понемногу отпускать.

— Дом этот, он давно такой? — спросил он, уже не как инспектор, а как простой, сбитый с толку человек.

— Да, почитай, что всегда, — ответила старушка, с удовольствием глядя, как гость пьет её чай. — Его еще мой прадед не строил, а, как бы сказать, выхаживал. Нашел тут саженец каменный, чудной такой. Огородил, поливал. А он расти начал. Не ввысь, а вширь. Комнаты наращивал, окна прорезал. Как дерево. Так что он у нас не постройка, он у нас — урожай.

«Урожай», — повторил про себя Мышкин. В голове пронесся вихрь. Если дом — это растение, то он подпадает под юрисдикцию не ВУНРеБА, а Ведомства по Агро-Магическому Надзору! Это совершенно другие протоколы, другие специалисты! Это гениально! Это лазейка!

— А документы у вас на него есть какие-нибудь? «О происхождении?» — с замиранием сердца спросил он.

— А как же! — обрадовалась Серафима Аркадьевна. — Есть одна бумажка, прадеду еще выдали. Самая главная.

Она встала, подошла к старому комоду и извлекла из него пожелтевший, сложенный вчетверо лист. Авдей Петрович принял его с благоговением. Это мог быть его пропуск из этого ада абсурда.

Он осторожно развернул документ. Это была справка, выданная сто лет назад Земской Управой. На бумаге с водяными знаками каллиграфическим почерком было выведено: *«Сим удостоверяется, что подателю сего, Ефиму Скоробогатько, дозволяется на данном участке выращивать „неведому зверушку“, покуда она не мешает соседям и не нарушает общественное спокойствие»*. И печать. Размытая, фиолетовая.

Авдей Петрович долго смотрел на справку. «Неведома зверушка». Это была не лазейка. Это была пропасть. Такой классификации не было ни в одном ведомстве. Это был юридический вакуум. Он был в тупике. Снова.

— Ну что, помогла бумажка? — с надеждой спросила старушка.

— Неоценимо, — глухо ответил инспектор, аккуратно складывая документ. Он понял, что легких путей здесь не будет. Прямой штурм провалился. Нужно менять тактику.

Он допил чай, встал и с неожиданной для самого себя решимостью произнес:

— Хорошо. Прямые измерения невозможны. Переходим к плану «Б». Визуально-феноменологическое наблюдение. Мне необходимо составить хотя бы примерный план помещений. Проведите меня по дому. Пожалуйста.

Серафима Аркадьевна просияла.

— Конечно, милоч! С этого и надо было начинать! Пойдем, я тебе нашу залу покажу. Она у нас самая нарядная.

Она открыла дверь, ведущую из кухни. Авдей Петрович, приготовившись записывать и зарисовывать, шагнул за ней.

За дверью был тот самый коридор, в котором он уже был десять минут назад. С тем же зеркалом на стене. И его отражение, «субъект зеркальный», снова нахально ему подмигнуло.

Кажется, план «Б» тоже только что с треском провалился.

Глава 3. О тщетности картографии, пользе феноменологии и не классифицируемых пылевых агрегатах

На одно ужасное, тонущее в трясине отчаяния мгновение Авдей Петрович Мышкин заподозрил, что он сошел с ума. Что Горемыкин был прав. Что этот дом — не аномалия, а персональный, выписанный лично ему ад, где коридоры заиклены, а зеркала подмигивают, отправляя инспектора на очередной круг страданий. Он даже проверил, не прилип ли к его ботинку какой-нибудь «блуждающий порог» — редкая, но крайне неприятная аномалия, заставляющая носителя возвращаться в исходную точку. Нет, подошвы были чисты.

— Он так играет, — пояснила Серафима Аркадьевна, глядя на его вытянувшееся лицо. — Не любит, когда по нему ходят с деловым видом. Хочет, чтобы сначала его суть поняли, а уж потом — залы осматривали.

— Суть? — переспросил Авдей, и в голосе его прозвучала вся скорбь мира. — У вашего объекта нет сути! У него есть только набор несоответствий! Его кадастровый номер должен состоять из одних вопросительных знаков!

— Ну зачем же так грубо, — обиделась старушка. — Он живой, всё слышит.

И в подтверждение её слов в коридоре что-то изменилось. Воздух неуволимо потеплел. Из-за закрытой двери, ведущей, предположительно, в гостиную, донесся едва уловимый аромат свежее испеченного хлеба и далекий, как эхо, детский смех. Всё это длилось не дольше трех секунд, а затем исчезло, оставив после себя лишь гулкую тишину и недоумение.

Мышкин замер, приняхиваясь.

— Что это было?

— А, это сквознячок. Памятный, — буднично ответила Серафима Аркадьевна. — Дом иногда вспоминает. То, как прабабка моя пироги пекла, то, как я маленькая тут с куклами играла. Сквозняки такие, знаешь, с картинками. Главное, форточку не открывать, а то выдует воспоминание, ищи его потом по всей улице.

Авдей Петрович лихорадочно достал блокнот. *«Фиксация несанкционированного хроно-сенсорного явления. Тип: ольфакторно-акустический. Категория: блуждающий. Потенциальная опасность: вызывает ностальгию, несовместимую с исполнением служебных обязанностей».*

И тут его осенило.

Он посмотрел на свои бланки, на рулетку, на тщательно заточенный карандаш. Всё это было бесполезно. Он пытался измерить океан столовой ложкой. Он пытался применить законы архитектуры к живому, капризному, вспоминающему существу. Он был не прав. Не дом был неправильным. Неправильным был его подход.

— План «Б» отменяется, — торжественно провозгласил он, убирая рулетку в портфель.

— А какой будет? — с любопытством спросила хозяйка.

— План «Ф»! — ответил инспектор, и в его глазах впервые за этот день загорелся не страх, а азарт первооткрывателя. — Феноменологическое наблюдение.

— Чего-чего? — не поняла старушка.

— Я не буду его измерять. Я буду за ним наблюдать. И записывать. Не то, какой он, а то, как он себя ведет. Мне нужна не карта, мне нужен дневник его жизни!

Это была революция. Личная коперниковская революция Авдея Мышкина. Не дом вращается вокруг его инструкций, а его инструкции должны вращаться вокруг дома!

— Ну, это другое дело! — обрадовалась Серафима Аркадьевна. — Это он любит. Внимание — это как удобрение для него. Куда сначала пойдём? Может, на чердак? Там самое интересное.

Чердак. Слово, от которого у любого инспектора ВУНРеБА начинался нервный тик. Чердаки были рассадниками нелегальных порталов, созданных сквозняками, и, хуже всего, складами старья, каждое из которых потенциально могло оказаться артефактом.

— Ведите, — стоически произнес Авдей, готовясь ко всему.

Лестница на чердак нашлась в самом неожиданном месте — за gobеленом, изображавшим охоту на сиреневого грифона. Она была крутой, скрипучей, и каждая ступенька издавала свой собственный, уникальный стон. Одна стонала, как старый министр, страдающий подагрой, другая хихикала, третья — ворчала. Авдей мысленно отмечал: *«Лестничный пролет. Акустическая аномалия, полифоническая. Требуется консультация музыковеда»*.

Люк на чердак был тяжелым и не поддавался.

— А, ну да, — спохватилась Серафима Аркадьевна. — Он пароль просит.

— Пароль? — брови инспектора взлетели к самой линии роста волос.

— Угу. Загадку. Он любит загадки.

Она прокашлялась и пропищала тоненьким голоском, обращаясь к потолку:

— Зимой и летом одним цветом.

Сверху что-то крякнуло, щелкнуло, и тяжелый люк со скрипом откинулся, открывая темный проем.

— Ёлка? — предположил Авдей, просто чтобы поддержать этот театр абсурда.

— Не-а, — хихикнула старушка. — Твой начальник, когда ему новый квартальный отчет несут.

Авдей промолчал, решив не заносить этот факт в протокол.

На чердаке пахло пылью, временем и чем-то сладковатым, похожим на сушеные яблоки. Пространство было огромным, теряющимся в полумраке под сводами высокой крыши. Повсюду громоздились горы вещей: старые сундуки, сломанная прялка, манекен без головы, одетый в камзол времен очаковских, медный таз, какие-то клетки. Рай для барахольщика и ад для инспектора.

— Вот, гляди, — прошептала Серафима Аркадьевна, указывая в темный угол.

Авдей присмотрелся. Сначала он ничего не увидел. А потом пыль в углу зашевелилась. Она не просто шевелилась. Она собиралась в небольшие пушистые комочки размером с кулак. Комочки отращивали себе крохотные лапки, глазки-бусинки и начинали деловито бегать по полу. Один такой комочек подбежал к старому сапогу, тщательно собрал с него пыль, скатал её в шарик и съел.

— Что это такое? — пролепетал Мышкин, чувствуя, как его мозг отказывается это классифицировать.

— Домовые пыжики, — с нежностью ответила старушка. — Очень полезные в хозяйстве. Уборку делают. Тихие, неприхотливые. Питаются пылью, размножаются сквозняками.

Целая колония пыжиков деловито сновала по чердаку. Они работали слаженно, как команда уборщиков. Вот несколько из них, объединившись, тащили куда-то упавшее перо. Вот один, самый крупный, гонял паука, который сплел паутину в неподобающем месте.

Авдей Петрович медленно, как во сне, достал свой блокнот. Его рука выводила слова сама:

«Обнаружен неизвестный науке вид. Предположительное наименование: „Пыжик домовый“ (Pulvex domesticus). Форма жизни: кремниево-органическая, основа — бытовая пыль. Поведение: стайное, выраженная социальная иерархия. Род деятельности: несанкционированный клининг. Степень опасности: минимальная, но подрывает основы лицензированной уборочной деятельности...»

Он оторвался от записей и посмотрел на этот невероятный, кишачий жизнью мир. Он вдруг понял, что этот дом — не просто аномалия. Это целая экосистема. Закрытая, самодостаточная, живущая по своим, неизвестным ему, но, несомненно, существующим законам.

Он, инспектор 3-го класса Авдей Петрович Мышкин, был здесь не судьей и не палачом. Он был Колумбом, высадившимся на берег нового, совершенно неизведанного континента.

Он захлопнул блокнот.

— Мне нужно подумать, — сказал он, и голос его был необычно глухим. — Мне нужно очень много подумать.

Спустившись с чердака, он, не говоря ни слова, прошел на кухню и сел за стол. Прогноировав все свои официальные бланки, он достал абсолютно чистый лист бумаги. Подумал секунду и вывел наверху красивым, почти каллиграфическим почерком заголовок, который был нарушением всех мыслимых и немыслимых уставов ВУНРеБА:

«Журнал феноменологических наблюдений. Объект: Дом №13, жилой».

Кажется, для инспектора Мышкина сегодня начиналась совсем другая служба.

Глава 4. О портретном консенсусе, скрытых помещениях и непредвиденной миграции наблюдаемых

Сидя за кухонным столом Серафимы Аркадьевны, Авдей Петрович Мышкин чувствовал себя человеком, который только что сжег все мосты, а потом с удивлением обнаружил, что ему нравится смотреть на огонь. Его «Журнал феноменологических наблюдений» лежал перед ним как декларация независимости. Первый лист, пока еще девственно чистый, обещал не порядок, но смысл. Это было пугающе и восхитительно одновременно.

Вся его предыдущая служба была построена на борьбе с хаосом. Он был воином света, чьим мечом был циркуляр, а щитом — должностная инструкция. А теперь он понял, что его враг — вовсе не враг, а просто... другой. Непонятный. И чтобы его понять, нужно не воевать, а слушать.

— Итак! — произнес он, поднимаясь. В его голосе появились новые, почти капитанские нотки. — Наблюдение продолжается. Куда мы направляемся теперь? Вы упоминали залу.

— Конечно, милочка, пойдем, — Серафима Аркадьевна, кажется, была в восторге от перемены в своем госте. — Только ты это... не удивляйся там особо. Родственники у меня, знаешь ли, с гонором.

«Родственники?» — мысленно переспросил Авдей, но вслух ничего не сказал, лишь покрепче сжал в руке свой новый рабочий инструмент — блокнот.

Дверь в залу на этот раз нашлась именно там, где и ожидалось. Это было самое большое помещение в доме, какое он до сих пор видел. Высокий потолок, подернутый легкой паутиной, казался куполом старинного собора. В центре комнаты стоял круглый стол, окруженный раз-

номастными креслами с высокими спинками, словно застывшими в ожидании вечного семейного совета. Но главными здесь были не они. Главными были портреты.

Десятки портретов на стенах. Они смотрели на Авдея из своих массивных, потемневших от времени рам. Мужчины с суровыми усами и в военных мундирах. Дамы в кружевах, с загадочными полуулыбками. Дети с пугающе серьезными глазами. Вся история рода, взирающая на него с немой, но ощутимым осуждением.

— Мои, — с гордостью сказала Серафима Аркадьевна, обведя их рукой. — Прадед Ефим, вон тот, самый усатый. Прабабка Марфа. Двоюродный дед Иннокентий, тот, что с попугаем на плече.

Авдей медленно шел вдоль стен, чувствуя себя под перекрестным огнем десятков пар глаз. И тут он заметил странность. Когда Серафима Аркадьевна назвала имя прадеда Ефима, тому нарисованному усачу, казалось, на долю секунды стало неловко, и он чуть отвел взгляд в сторону. А когда речь зашла о деде с попугаем, нарисованная птица едва заметно моргнула.

Мышкин замер. Он снова повернулся к прадеду.

— Простите, — обратился он к портрету, — вы, как я понимаю, основатель данного домовладения?

Портрет Ефима оставался невозмутим. Но сидевшая рядом нарисованная дама в чепце неодобрительно поджала губы. А усатый военный в соседней раме, казалось, едва сдерживал смех.

— Эх, милоч, — вздохнула Серафима Аркадьевна. — Ты опять за свое. «Домовладение». Ты с ними по-человечески. Они ж не в ведомости у тебя.

Авдей Петрович покраснел. Он чувствовал себя школьником, отчитываемым строгой учительницей перед всем классом. Он снова посмотрел на портреты. Они ждали. Это было похоже на экзамен.

Он глубоко вздохнул, убрал из голоса металл, а из мыслей — номера форм и бланков.

— Прошу прощения, — сказал он, обращаясь ко всем сразу. — Моя работа, она накладывает отпечаток. Очень много бумаг. А у вас тут... по-настоящему. Я бы хотел понять. Понять, как всё устроено. Для отчета. Чтобы вас не трогали.

Он сказал последнюю фразу и сам удивился своей искренности.

И тут же атмосфера в комнате изменилась. Суровые взгляды смягчились. Дама в чепце перестала выглядеть такой уж неодобрительной. А нарисованные глаза прадеда Ефима, казалось, взглянули на инспектора с толикой уважения.

Воодушевленный, Авдей решил пойти ва-банк.

— Я очень люблю старые книги, — сказал он, вспомнив свою единственную, помимо порядка, страсть. — Скажите, пожалуйста, а библиотека... в таком замечательном доме должна же быть библиотека?

Он смотрел прямо на портрет прадеда. Ефим молчал. Но его писанный маслом взгляд медленно, очень медленно, сместился вправо и замер на участке стены, покрытом выцветшими обоями с узором из поникших лилий.

Сердце инспектора забилося чаще. Он подошел к стене. Никаких дверей, никаких щелей. Просто старые обои. Он неуверенно протянул руку и нажал.

Стена поддалась. С тихим шорохом, словно вздохнув, целый простенок ушел внутрь, открывая темный проход. Из прохода пахло так, как пахнет только в самых лучших снах Авдея Мышкина — старой бумагой, кожей переплетов и мудростью.

— Библиотека, — прошептал он, не веря своим глазам.

— А, вот она где спряталась, — ничуть не удивилась Серафима Аркадьевна. — Она у нас любит показываться только тем, кто книги и правда уважает. Прошлый-то, Горемыкин, всё о квадратуре спрашивал. Ну, она ему и не открылась.

Авдей шагнул на порог, в святая святых. Это была небольшая, но невероятно уютная комната, вся, от пола до потолка, заставленная стеллажами с книгами. Корешки, тисненные золотом, тускло поблескивали в полумраке. Он был в раю.

— Спасибо, — сказал он, оборачиваясь к портретам в зале, чтобы поблагодарить их.

И замер.

Зала была пуста.

Нет, мебель, стол — всё было на месте. Но портреты... Рамы на стенах были пусты. На холстах остались лишь тусклые, призрачные очертания фигур, словно выцветшие фотографии. Все до единого. И прадед Ефим, и дама в чепце, и дед с попугаем — все исчезли.

У Авдея Петровича по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с ведомственными инструкциями.

И в этот самый момент из глубины новообретенной библиотеки, из-за стеллажа, до него донесся тихий, но отчетливый звук. Словно кто-то перевернул хрупкую пергаментную страницу старинной книги. А следом — едва слышное старческое кряхтение, полное удовлетворения. И где-то совсем рядом тихонько каркнул попугай.

Он стоял на границе двух миров. За спиной — зала с пустыми рамами. Впереди — темная библиотека, в которой, кажется, только что появились новые читатели.

Авдей Петрович медленно поднял свой блокнот. Его рука дрожала, но он вывел на чистой странице:

«Глава 4. Феномен временной дематериализации портретных сущностей с последующей их миграцией в сопредельные помещения. Цель миграции: предположительно, для ознакомления с литературными источниками. Вопрос: подпадают ли они под действие правил пользования библиотекой?»

Он понял, что его «Журнал наблюдений» только что превратился в отчет о работе с населением. И население это было куда более беспокойным, чем он мог себе представить.

Глава 5. О правилах пользования читальным залом, негласном этикете и получении первого нерегламентированного задания

Авдей Петрович, чья жизнь до сих пор была синонимом слова «отступить» (тактически, разумеется), вдруг обнаружил в себе пугающее отсутствие желания пятиться. Стоя на пороге библиотеки, в которой растворилась дюжина одушевленных портретов, он чувствовал не только страх, холодной змейкой ползающий по позвоночнику, но и нечто иное. Любопытство. Чистое, незамутненное, научное любопытство исследователя, наткнувшегося на совершенно новый вид разумной жизни.

Его «Журнал наблюдений» в руке казался тяжелее обычного. Это больше не был просто блокнот. Это был пропуск. И не использовать его было бы должностным преступлением, но уже не перед ВУНРеБА, а перед самой Наукой.

Сделав шаг, достойный покорителя полюса, он вошел в библиотеку.

Тишина здесь была особенной. Не пустой, а наполненной. Она состояла из шепота тысяч страниц, из едва слышного потрескивания старых переплетов, из дыхания историй, ждущих своего часа. Воздух был сухим и теплым, пах пылью, кожей и тем непередаваемым ароматом времени, который можно найти только в таких местах.

Звуки, которые он слышал снаружи, стихли. Он осторожно, на цыпочках, двинулся вдоль ближайшего стеллажа, используя его как прикрытие. Сердце, игнорируя любые нормативы спокойствия, колотилось где-то у самого горла, но он заставлял себя дышать ровно. «Наблюдение. Главное — не спугнуть».

Он заглянул за край стеллажа.

Обитатели читального зала оказались в полном сборе.

Они были там. Не призраки, не туманные видения. Вполне материальные, хоть и слегка полупрозрачные, фигуры сидели в старых вольтеровских креслах. Прадед Ефим, самый солид-

ный, ссутулившись, рассматривал толстый фолиант, похожий на сельскохозяйственный справочник. Дама в чепце, прабабка Марфа, держала в руках тоненький сборник стихов и время от времени прикладывала к глазам кружевной платочек, который, казалось, был соткан из уплотнившегося лунного света.

Двоюродный дед Иннокентий, как и на портрете, был с попугаем. Он листал большой атлас мира, а птица, сидя у него на плече, с живейшим интересом пыталась клюнуть какой-то особенно экзотический остров. Суровый военный, чей портрет висел по соседству, расстелив на полу старинную карту, двигал по ней оловянных солдатиков, что-то беззвучно бормоча себе под нос.

Они не просто переместились сюда. Они занимались делами, увлекавшими их при жизни.

Авдей Петрович, забыв о всякой конспирации, начал лихорадочно строчить в своем журнале: *«Субъекты сохраняют личностные черты и поведенческие паттерны, зафиксированные на исходных носителях (портретах). Проявляют интерес к информации, соответствующей их жизненному опыту. Вопрос: требуется ли им читательский билет?»*

В этот момент попугай деда Иннокентия повернул свою вертлявую голову, его черный немигающий глаз сфокусировался на Авдее, и он оглушительно, на всю библиотеку, каркнул:

— Чужо-о-ой! В архи-и-иве!

Все фигуры разом замерли и повернули головы в сторону инспектора. Десятки пар глаз, видевших и Наполеона, и отмену крепостного права, уставились на него. Наступила такая тишина, что было слышно, как пылинки садятся на книжную полку. Авдей Петрович почувствовал себя пойманным с поличным.

— Я прошу прощения, — пролепетал он, понимая всю нелепость ситуации. — Не хотел мешать. Я наблюдаю. В феноменологических целях.

Первым нарушил молчание прадед Ефим. Он медленно, с достоинством закрыл свой толстый том.

— Наблюдаешь, значит, — его голос был низким, с легкой хрипотцой, как будто он долго молчал. — Мы заметили. Бумаги свои марашь. Похвально. Горемыкин твой, предшественник, только о стенах пекся. А ты — о сути.

— Так точно! О сути! — обрадовался Авдей, что его поняли.

— Но суть, мил человек, не в том, чтобы её записывать, — продолжил Ефим, поднимаясь с кресла. Его фигура была почти невесомой, но от неё веяло незыблемой основательностью. — Суть в том, чтобы её поддерживать.

Он подошел к Авдею вплотную. Инспектор инстинктивно попятился, но уперся спиной в стеллаж.

— Ты хочешь понять наш дом? — спросил прадед, глядя ему прямо в глаза.

— Да. Очень, — честно ответил Мышкин.

— Тогда докажи. Не словом, а делом.

— Каким делом? — не понял Авдей. — Составить охранную грамоту? Подать прошение о присвоении статуса объекта культурного наследия? Я могу...

— Чепуха, — отмахнулся Ефим. — Бумаги? Бумаги — это пыль. А дом — живой. Он дышит. И сейчас ему дышится тяжело.

Он повернулся и указал своим полупрозрачным пальцем куда-то в сторону.

— Очаг. Сердце дома. Он остывает. Не огнем, нет. Печалью. Дымоход засорился. Не сажай — старыми обидами. Паутиной тоски. Из-за этого всему дому зябко. Понимаешь?

Авдей Петрович лихорадочно соображал. Очистка дымохода от тоски. Такого пункта не было ни в одном преysкуранте трубочистных контор. Это была не техническая, а терапевтическая задача.

— И что я должен сделать? — спросил он, чувствуя, как его мир снова переворачивается.

— Поговорить, — просто ответил Ефим. — Найти, где болит. Почистить. Вернуть тепло. Справишься — будет тебе и суть, и понимание. И отчет твой будет не просто бумажкой, а настоящим документом. А не справишься, — он развел руками, — тогда и наблюдать будет незачем. Дом, потерявший сердце, долго не живет.

Он вернулся в свое кресло и снова открыл книгу, давая понять, что аудиенция окончена. Остальные «читатели» тоже вернулись к своим занятиям, словно Авдея больше не существовало.

Он остался один на один с этим невероятным, невозможным заданием. «Почистить дымоход от обид».

Он вышел из библиотеки, чувствуя себя так, словно только что прошел собеседование на самую странную должность во вселенной. Серафима Аркадьевна ждала его на кухне, с тревогой глядя на дверь.

— Ну как? Познакомился?

— Более чем, — глухо ответил инспектор. Он сел за стол, открыл свой «Журнал» на новой странице и, макнув перо в чернильницу, вывел заголовок, который окончательно ставил крест на его прежней карьере:

«Приложение №1. Перечень практических заданий, полученных от нематериальных, но уполномоченных резидентов объекта. Задание №1: Диагностика и устранение эмоционального засора в системе дымохода».

Он понял, что из инспектора окончательно переквалифицировался в нечто среднее между врачом, священником и сантехником для душ. И, как ни странно, эта перспектива его больше не пугала.

Глава 6. О диагностике очаговых заболеваний, материализации скорби и первом практическом успехе

Проблема с «эмоциональным засором» заключалась в том, что его нельзя было простучать, просветить или измерить лазерной рулеткой. Он не поддавался классификации, не имел инвентарного номера и, что самое ужасное, на него нельзя было составить акт. Для Авдея Петровича это было всё равно что сражаться с ветряными мельницами, предварительно не убедившись, что они внесены в реестр ветроэнергетических установок.

Он сидел на кухне, уставившись на свой «Журнал». Задание №1 было сформулировано, но графа «Методы исполнения» оставалась пугающе пустой.

— Серафима Аркадьевна, — начал он, тщательно подбирая слова, как сапер, выбирающий, какой проводок перерезать. — Мне нужно осмотреть очаг. Сердце дома, как выразился... э-э-э, ваш предок.

— А, печку нашу большую, — понимающе кивнула старушка. — Конечно, пойдем. Она в горнице. Только она хворает, не обессудь.

«Горница» оказалась той самой залой с пустыми рамами. Но теперь внимание Авдея было приковано не к стенам, а к центру комнаты. Там, занимая почти целую стену, возвышался он. Очаг.

Это была не просто печь. Это было архитектурное чудо, сложенное из изразцов цвета топленых сливок, покрытых тонкой вязью синего узора. Каждый изразец был картиной: вот скачет всадник, вот дева плетет венок, вот по лесу бежит диковинный зверь. Это было произведение искусства. И оно было холодным.

Нет, не просто холодным. От него веяло могильным, всепроникающим холодом, от которого хотелось съежиться и немедленно налить себе еще одну чашку чая с малиновым вареньем. Изразцы, казалось, «плакали» — они были покрыты мелкими капельками влаги. Огромное черное устье очага зияло пустотой, и чудилось, что оно не отдает тепло, а, наоборот, всасывает его из комнаты.

— Вот, — со вздохом сказала Серафима Аркадьевна. — Третий месяц уж так. И дрова в ней не горят. Тлеют, дымят, плачут, а жару нет.

Авдей Петрович подошел ближе. Он действовал по привычке: провел рукой по изразцам (ледяные!), постучал костяшкой пальца по кладке (звук глухой, как будто внутри не кирпич, а мокрая вата), заглянул в дымоход, насколько мог. Темнота, сырость и аромат прелой осенней листвы — запах печали.

Никаких видимых засоров. Никакой сажки.

Он отступил, чувствуя полное бессилие. Его методы здесь не работали. Нужно было что-то другое. И тогда он вспомнил слова Ефима: «Поговорить. Найти, где болит».

— Серафима Аркадьевна, — медленно произнес он, поворачиваясь к хозяйке. — А кто любил этот очаг больше всех? Кто проводил здесь больше всего времени?

Старушка на мгновение задумалась, ее взгляд устремился куда-то в прошлое.

— Много кто любил, — тихо ответила она. — Но больше всех, пожалуй, двоюродная бабка моя, Любаша. Сестра моей бабушки. Красавица была, певунья. Но несчастная.

— Несчастная? — уцепился за слово Авдей.

— Ага. Влюбилась она. Да не в того, в кого положено. Не в купца, не в офицера. В резчика по дереву, бродячего. Он по деревням ходил, игрушки да гребни вырезал. Талантище, говорят, был от Бога, а в кармане — ветер. Отец её, мой прадед, и слышать о таком не хотел. Запер её дома, а резчика того со двора прогнал.

Она подошла к очагу, коснулась одного из «плачущих» изразцов.

— Вот тут, у печки, она все вечера и просиживала. Молча. Ни слезинки не проронила, гордая была. Только смотрела на огонь, будто в нем его лицо высматривала. А потом он совсем ушел из наших краев. А она через год угасла. От тоски, как говорили. С тех пор и говорят, что в печке нашей не только дрова, но и Любавина печаль горит.

Авдей слушал, боясь упустить хоть деталь. Это была не просто семейная байка. Это был анамнез. История болезни. «Эмоциональный засор, старые обиды, паутина тоски».

Он снова подошел к очагу. Но теперь он смотрел на него не как инспектор, а как детектив, ищущий улику. Он смотрел глазами Любаши. Где? Где здесь, в этой громаде кирпича и изразцов, могло найти пристанище разбитое сердце? Где мог остаться материальный след этой тихой трагедии?

Он водил пальцами по швам между плитками. Холод... холод... еще холоднее... А вот здесь! Один из изразцов, тот, на котором был изображен летящий журавль, казался чуть-чуть подвижным. И холод от него исходил самый сильный.

— Серафима Аркадьевна, тут он шатается, — пробормотал он.

— Да что ты, — удивилась она. — Сто лет стояли, а тут...

Авдей, не обращая внимания, поддел изразец ногтем. Он поддался. С легким скрежетом плитка отошла, открывая небольшую, темную нишу в кладке.

Он заглянул внутрь. Там, на подушечке из истлевшей ткани, лежало что-то маленькое, деревянное. Он осторожно, двумя пальцами, извлек находку на свет.

Это была крохотная, искусно вырезанная из дерева птичка. С длинным клювом и широко расправленными крыльями. Журавль. Точно такой же, как на изразце. Работа была невероятно тонкой. Птичка, казалось, вот-вот вспорхнет с его ладони. И, что самое странное, она была теплой. Живой, трепещущей теплотой посреди этого царства холода.

И в тот самый момент, когда он достал птичку из ниши, по всему дому пронесся глубокий, протяжный вздох. Словно кто-то, кто очень долго не мог вздохнуть полной грудью, наконец-то это сделал.

Из черного устья очага вдруг потянуло теплым, сухим воздухом. Капельки влаги на изразцах начали испаряться прямо на глазах. Пронизывающий холод в комнате не исчез, но отступил, сжался, словно испуганный зверь.

— Ой, батюшки, — прошептала Серафима Аркадьевна, глядя то на птичку, то на печь.
— Отпустило. Кажись, отпустило.

Авдей Петрович стоял посреди комнаты, держа на ладони маленький деревянный артефакт — материализованную тоску, пролежавшую в каменном сердце дома почти сто лет. Он не составил ни одного акта. Он не заполнил ни одного бланка. Но он только что провел самую успешную инспекцию в своей жизни.

Он вернулся на кухню, к своему «Журналу».

«Исполнение задания №1. Диагностика выявила наличие инородного эмоционального артефакта („обида запечатанная“, „тоска материализованная“) в кладке очага. Артефакт успешно извлечен. Зафиксировано немедленное улучшение „клинической картины“ объекта. Задание выполнено частично».

Он поставил точку и задумался.

«Приложение к заданию №1. Требуется определить дальнейший протокол обращения с извлеченным артефактом. Утилизация? Нейтрализация? Или возвращение?»

Вопрос был открытым. Но одно он знал точно: его работа здесь только начиналась.

Глава 7. О постоперационном уходе, не архивируемых артефактах и протоколе первого полета

В руках Авдея Петровича была не просто деревянная птичка. Это была улика, артефакт и, по совместительству, душа невысказанной печали. Птичка была теплой, почти горячей. И если прислушаться — не ушами, а чем-то более глубоким, что проснулось в нем за последние часы, — можно было ощутить едва уловимую вибрацию. Словно внутри крохотного деревянного тельца билось крохотное сердце, полное несбывшихся надежд.

Первый рефлекторный порыв инспектора был абсолютно предсказуем: упаковать.

— Так, — пробормотал он, возвращаясь на кухню, как в свой полевой штаб. — Артефакт, категория «эмоционально-резонансный», тип «деревянный». Потенциально нестабилен. Требуется временной изоляции до выяснения протокола утилизации.

Он положил птичку на стол, открыл свой верный портфель и достал из специального отделения стерильный вещевой мешочек с завязками, предназначенный для хранения мелких аномальных предметов. Он осторожно взял птичку и попытался опустить ее в мешочек.

И ничего не вышло.

Птичка физически не проходила в отверстие, хотя была вдвое меньше. Это было так, словно он пытался засунуть кота в мышиную норку. Он повертел ее так и этак. Результат был тот же.

— Странно, — пробормотал он, откладывая мешочек. — Ладно. План «Б».

Он решил положить артефакт просто в боковой карман портфеля, между запасными бланками и пеналом с карандашами. Он опустил птичку в карман. Но портфель не закрылся. Замок шелкал, но не защелкивался, словно что-то мешало. Авдей вынул все из кармана, кроме птички. Портфель все равно не закрывался. Он словно давился этим теплым комочком дерева, выталкивая его обратно.

— Не хочет, — тихо сказала Серафима Аркадьевна, наблюдавшая за его манипуляциями.
— Портфель твой, он для бумаг — для мертвого. А птичка — она живая, ей там не место.

Авдей Петрович посмотрел на свой портфель, который впервые за годы службы оказал ему неповиновение. Потом на теплую, вибрирующую птичку на своей ладони. Она была права. Это было всё равно что пытаться подшить к делу солнечный зайчик.

— Но что же с ней делать? — спросил он, обращаясь скорее к самому себе. — Нельзя же ее просто так оставить. Это нарушение отчетности!

— А Любаша птиц любила, — вдруг сказала старушка, словно отвечая на незаданный вопрос. — Особенно журавлей. Всегда на них смотрела, когда они осенью на юг летели. Говорила: вот бы и мне так, крылья расправить и улететь от всего этого.

Она вздохнула.

Авдей вдруг понял. Утилизация? Нейтрализация? Это были слова из его старого мира. Мира, где всё, что не укладывалось в рамки, уничтожалось или запиралось. Но эта птичка не была мусором. Это была мечта. Запертая мечта.

— Мне нужно посоветоваться, — решил он.

С птичкой в руке он вернулся в горницу.

Картина изменилась. Холод окончательно отступил. В комнате пахло нагретым камнем и чем-то еще, неуловимо приятным, — умиротворением. А главное — портреты вернулись.

Они снова висели в своих рамках, но теперь выражения их лиц были иными. Не было больше осуждения или насмешки. Было ожидание. Словно экзаменационная комиссия, выслушавшая ответ студента, ждала от него решающего вывода.

Авдей подошел к портрету прадеда Ефима.

— Задание выполнено, — доложил он, показывая на ладони деревянную птичку. — Источник эмоционального засора обнаружен и извлечен.

Нарисованные глаза Ефима опустились на птичку, затем снова поднялись на Авдея.

— Ты вынул занозу, — раздался в тишине комнаты его низкий, хриловатый голос. — Это хорошо. Боль утихла. Но рана осталась открытой.

— Рана? — не понял Мышкин.

— Эта вещь, — Ефим кивнул на птичку, — не должна быть в руках. Она не должна быть в тайнике. Она не должна быть в портфеле. Она вообще не должна *быть*. Она должна *лететь*.

— Лететь? — Авдей посмотрел на крохотный кусок дерева. — Но как? Это же дерево.

— Ты нашел ее, — отрезал прадед. — Тебе и решать, что это — дерево или птица. Ты хотел понять суть нашего дома? Вот она. Дом — это не стены. Это гнездо. А из гнезда птенцы должны вылетать. Эта «печаль», как ты ее назвал, сидит в гнезде сто лет. Пора.

На этом аудиенция снова была окончена. Портреты замерли, превратившись в обычные изображения, хотя Авдей был готов поклясться, что в глазах дамы в чепце блесло одобрение.

Он остался один посреди комнаты, с невыполнимым заданием на руках. «Заставить деревянную птицу лететь». Это звучало как загадка из тех, что задавал люк на чердак, но куда более сложная.

Он подошел к большому запыленному окну, выходящему в сад. За садом начинались бескрайние поля, а над ними — высокое, свободное небо. Он посмотрел на птичку в своей руке, потом на небо.

В его голове не было ни одной инструкции, ни одного параграфа, который мог бы ему помочь. Он был один на один с чудом.

Он вернулся на кухню, открыл свой «Журнал» и долго думал, глядя на чистую страницу. Затем его рука начала выводить строки, которые были уже не отчетом, а чем-то вроде плана полетов.

*«Исполнение задания №1. Завершающий этап. Получено указание о необходимости изменения агрегатного состояния артефакта — перевода из „статичного“ в „динамическое“.

Поставленная задача: разработать и применить протокол, обеспечивающий первый и, предположительно, последний полет деревянного орнитологического объекта.

Предварительные гипотезы:

Аэродинамический запуск (ручной бросок).

Ритуальный запуск (требует уточнения деталей ритуала).

Психокинетический запуск (требует наличия отсутствующих у исполнителя способностей).

Статус: в разработке».

Он поставил точку и решительно закрыл журнал. Хватит теории. Пора переходить к экспериментальной орнитологии.

Глава 8. О провале аэродинамики, последнем ингредиенте и первой записи в бортовом журнале

Научный подход требовал последовательности. Прежде чем прибегать к туманным «ритуалам» или недоказуемой психокинетике, Авдей Петрович был обязан исчерпать все возможности, предоставляемые твердой, понятной, а главное, измеряемой физикой. Это означало, что гипотеза №1 — «Аэродинамический запуск» — должна быть проверена со всей доступной ему дотошностью.

— Мне нужен оперативный простор, — заявил он Серафиме Аркадьевне с видом инженера, готовящегося к запуску ракеты. — Задний двор подойдет.

На заднем дворе, заросшем высокой травой и цветущим шиповником, было тихо и солнечно. Авдей Петрович положил свой «Журнал» на старую, вросшую в землю скамейку и вышел на середину поляны. В руке он держал теплый, вибрирующий артефакт.

Сначала он провел замеры. Поднял палец, определил направление ветра (слабый, юго-западный). Оценил влажность воздуха (умеренная). Выбрал оптимальный угол броска (приблизительно тридцать пять градусов к горизонту для максимальной дальности). Все эти данные он мысленно заносил в протокол испытаний.

— Что это ты удумал, милоч? — спросила Серафима Аркадьевна, с тревогой глядя на него с крыльца.

— Провожу испытание летных характеристик объекта! — отпартовал Мышкин.

Он принял стойку, отвел руку назад, как метатель копья, на мгновение замер, концентрируясь, и с силой бросил птичку в небо.

Деревянный журавлик, вместо того чтобы взмыть ввысь, описал короткую нелепую дугу и с глухим стуком шлепнулся в заросли лопуха метрах в пяти от него. Он рухнул с аэродинамическим изяществом кирпича.

— Ай! — вскрикнула старушка. — Сломаешь ведь!

Авдей Петрович, красный от досады, побрел к лопухам. Птичка лежала на большом листе целая и невредимая, и, как ему показалось, ее вибрация стала чуть более осуждающей.

«Гипотеза №1 провалилась с треском», — мысленно заключил он. Он подобрал птичку, отряхнул с нее пыль и вернулся к скамейке. В «Журнале» напротив первого пункта он вывел одно-единственное слово: «Неприменимо».

— Не летит, — констатировал он, подходя к крыльцу.

— А с чего бы ей лететь? — пожала плечами хозяйка. — Ты её швырнул. А ей не швырок нужен. Ей помочь надо.

— Помочь? — переспросил он, чувствуя, что переходит к таинственному второму пункту своего плана. — Какой ритуал требуется?

— Да какой ритуал, Господь с тобой, — отмахнулась она. — Всё просто. Пойдем к сердцу. К очагу.

Они вернулись в горницу. Печь, избавившаяся от векового холода, теперь излучала мягкое, бархатное тепло, хотя в ней не было ни единого уголька. Комната словно ожила.

— Любаша у огня сидела, когда о нем думала, — сказала Серафима Аркадьевна. — Огонь — он всё очищает. И помогает. Протяни-ка птичку к нему. Да не бойся, не сожжешь.

Авдей недоверчиво, но послушно подошел к огромной печи и протянул руку с птичкой к черному зеву топки.

Деревянный журавлик, оказавшись в потоке тепла, мелко задрожал, словно оживая. Дерево на глазах начало менять цвет: из тусклого и старого оно становилось золотисто-медовым, будто впитывая невидимый свет. По комнате распространился тонкий, пьянящий аромат — запах нагретой древесины, степных трав и свободы.

— А теперь, — прошептала старушка, подходя совсем близко, — последний ингредиент. Самый главный.

— Какой? — так же шепотом спросил Авдей, боясь спугнуть зарождающееся чудо. — Заклинание? Магическое слово?

— Простое слово, — улыбнулась она. — Но сказать его надо не языком, а сердцем. Надо пожелать ей того же, чего и Любаша хотела. Чего она сама хочет.

Авдей посмотрел на птичку, которая уже совсем не ощущалась как кусок дерева. Она стала почти невесомой и трепетала, готовая вырваться. Он перевел взгляд на высокое окно, за которым синело небо. Представил себе девушку, сто лет назад смотревшую в это же стекло, в эту же высь. Вся бюрократическая шелуха, все инструкции и параграфы слетели с него, оставив лишь чистое, глубокое человеческое сочувствие.

Он поднес птичку ближе к лицу и, глядя на нее, от всего сердца, вкладывая в это слово всю волю и новообетенную эмпатию, произнес:

— Леги.

В тот же миг птичка в его руке вспыхнула ослепительным золотым светом. Авдей инстинктивно разжал пальцы. Но она не упала.

На долю секунды фигурка зависла в воздухе, а затем дерево начало преобразовываться. Крылья, до этого бывшие единым целым с тельцем, расправились. Они оказались тонкими, почти прозрачными, по ним пробегали живые всполохи. Головка вытянулась, а крохотные точки глаз превратились в две сверкающие искорки.

Сотканный из тепла и света, журавлик сделал первый неуверенный взмах. Потом второй, уже более смелый. Он бесшумно вспорхнул, сделал круг почета под высоким потолком горницы, пролетая мимо одобрительно вззирающих на него портретов.

Затем птица устремилась к окну. Журавлик не разбил стекло — он просто прошел сквозь него, подобно лучу света.

Авдей и Серафима Аркадьевна подбежали к подоконнику.

Они увидели, как золотистый силуэт, вырвавшись на свободу, сделал прощальный круг над крышей старого дома, словно обнимая его на прощание. А затем, набирая высоту, устремился на юг, в сторону бескрайних полей и чистого неба, превращаясь в тающую в синеве искорку.

Когда он исчез, по дому снова прошел вздох. Но на этот раз это был вздох облегчения. Из очага хлынула волна настоящего, живого тепла, наполнившего всю комнату.

Авдей Петрович стоял у окна совершенно оглушенный. Он только что стал соучастником чуда. Он не просто зафиксировал его — он помог ему случиться.

Вернувшись на кухню, он дрожащей рукой открыл свой «Журнал». Напротив пункта «Протокол полета» он вывел:

«Успешно применен комбинированный термо-эмпатический метод запуска. Объект „Печаль материализованная“ успешно трансформирован в „Мечту, летящую“ и отправлен по заданному курсу. Задание №1 считать полностью выполненным».

Он помолчал, а затем добавил ниже, уже для себя:

«Примечание: похоже, у этого дома я научусь большему, чем за все годы службы в Ведомстве».

Глава 9. О повышении в должности, временных парадоксах и диагнозе «Хронометрическая аритмия»

Тепло, исходящее от очага, было не просто физическим — оно проникало в самую душу. Авдей Петрович, сидя за кухонным столом, пил уже остывший чай, но совершенно этого не замечал. Он был согрет изнутри чувством выполненного долга, которое оказалось в тысячу раз приятнее, чем любая премия или благодарность от Павла Игнатьевича. Он сделал нечто, выходящее за рамки служебных обязанностей: он починил душу.

— Совсем другое дело, — счастливо вздыхала Серафима Аркадьевна, подкладывая в вазочку новую порцию варенья. — Дом дышит. Слышишь?

И он слышал. Это не было скрипом половиц или завыванием ветра в трубе. Это был ровный, спокойный, едва уловимый гул, похожий на мурлыканье гигантского довольного кота. Исчезла давящая тишина, испарилось напряжение. Дом отдыхал.

Но Авдей Петрович знал, что его работа не окончена. Он не просто исполнитель, он — ответственное лицо. А это значит, что после завершения задания необходимо доложить заказчику.

— Мне нужно к ним, — сказал он, поднимаясь.

Он вошел в горницу. Теперь это была совершенно другая комната: теплая, залитая мягким светом, который, казалось, исходил от самих стен. И портреты — они смотрели на него с тихим, благосклонным ожиданием.

Авдей подошел к центру комнаты, выпрямился, словно на докладе у высокого начальства, и произнес:

— Задание №1 выполнено в полном объеме. Эмоциональный засор устранен. Объект «Печаль» дематериализован и отправлен по заданному курсу. Очаг функционирует в штатном режиме.

Его слова повисли в уютной тишине. А затем произошло нечто невероятное.

Нарисованный прадед Ефим медленно и с достоинством кивнул. Дама в чепце едва заметно улыбнулась. Суровый военный, казалось, чуть расправил плечи. А потом из рам раздался звук — тихий, сухой, похожий на шелест старых листьев. Это был звук аплодисментов. Десятки нарисованных рук, живших и умерших в разные века, рукоплескали ему, инспектору 3-го класса Авдею Мышкину.

У него перехватило дыхание.

— Благодарим за службу, — произнес голос Ефима, когда овации стихли. — Ты показал себя не просто исполнителем. Ты показал себя врачом.

— Я просто выполнял предписание... — пробормотал Авдей, чувствуя, как краска заливает щеки.

— Предписание можно выполнить по-разному, — возразил прадед. — Горемыкин твой тоже выполнял: мерил, стучал, записывал. А ты — вылечил. Посему, посоветовавшись с семьей, мы приняли решение. Отныне ты не просто инспектор. Ты — наш семейный доктор.

«Семейный доктор», — эхом отозвалось в голове Мышкина. Это была не должность, это был статус. Теперь он не внешний агент, а часть этой невероятной системы.

— Это большая честь, — только и смог выговорить он.

— Это большая ответственность, — поправил Ефим. — И раз уж ты теперь наш доктор, у нас для тебя новый пациент. Весь дом.

— Что-то еще? — насторожился Авдей.

— Сердце мы подлечили, — кивнул прадед. — А вот с памятью и временем у него нелады. Путается он, старый. То вперед забежит, то в прошлое вернется. Аритмия у него... хронометрическая.

Авдей лихорадочно достал свой журнал. «Хронометрическая аритмия» — звучало солидно, вполне по-научному.

— Каковы симптомы? — спросил он, принимая свой новый, «врачебный» тон.

— Серафима покажет, — ответил Ефим, давая понять, что теоретическая часть окончена.

«Медсестра» Серафима Аркадьевна взяла его за руку.

— Пойдем, доктор, покажу тебе наши болячки.

Первым делом она привела его к большим напольным часам, стоявшим в углу залы. Они были сделаны из темного, почти черного дуба; медный маятник застыл в неподвижности.

— Вот, гляди.

Авдей посмотрел на циферблат и не поверил своим глазам. Большая и маленькая стрелки шли в обратную сторону. Неспешно, с тихим, едва слышным щелканьем они отсчитывали время вспять.

— Они так уже неделю, — вздохнула старушка. — Сначала просто остановились, а потом назад пошли. Неудобно — жуть. Никогда не знаешь, то ли завтра наступило, то ли вчера еще не кончилось.

Следующим пунктом осмотра была застекленная веранда в задней части дома. В горнице стояло приятное тепло, но стоило Авдею открыть дверь на веранду, как его обдало волной ледяного воздуха.

— Матерь Божья! — вырвалось у него.

Веранда жила в вечной зиме. Стекла покрывали морозные узоры. На старом плетеном кресле лежал сугроб самого настоящего пушистого снега. А в кадке, где летом, по словам хозяйки, росла герань, сейчас торчала обледенелая ветка. Снаружи сияло летнее солнце, а здесь, в двух шагах, царил январь.

— Тут у нас всегда холодно, — пояснила Серафима. — Пробовала обогреватель ставить — он инеем покрывается и перестает работать. Так и живем. Зимой — две зимы, летом — зима и лето.

Последний «симптом» обнаружился в кладовке. Это была маленькая каморка под лестницей, заставленная банками с соленьями и мешками с крупой.

— А тут — наоборот, — сказала Серафима Аркадьевна и указала на лежащую на краю стола краюху хлеба. — Я её вчера утром положила.

Хлеб был не просто черствым — он превратился в камень. Сухой, как столетняя мумия, он казался высеченным из гранита.

— Здесь время слишком быстро бежит. Что ни оставишь — через час уже в труху. Продукты хранить невозможно.

Авдей Петрович вернулся на кухню, чувствуя, как его мозг закипает. Часы, идущие назад. Комната, застрявшая в зиме. Кладовка, работающая как машина времени. Это была не просто «аритмия» — это был полноценный хронокатаклизм в масштабах одного дома.

Он сел за стол и раскрыл журнал на новой странице. Рука сама начала выводить диагноз, облекая безумие в строгие научные термины.

«Задание №2. Диагностика общей нестабильности объекта.

Установлены множественные локальные нарушения пространственно-временного континуума.

Диагноз: Острая хронометрическая аритмия с сопутствующими температурно-сезонными осложнениями.

Зафиксированные симптомы:

- 1. Ретроградное течение времени (сектор „Часы напольные“).*
- 2. Стабильная сезонная аномалия, „временной карман“ (сектор „Веранда“).*
- 3. Ускоренное старение материи (сектор „Кладовая“).*

Задача: выявить первопричину временного сбоя и провести калибровку хронопотоков дома до общепринятой нормы».

Он отложил ручку. Задача была на порядок сложнее предыдущей. Там была одна, пусть и глубоко спрятанная «заноза», а здесь болела вся нервная система дома.

— С чего же начать, доктор? — с надеждой спросила Серафима Аркадьевна.

Авдей Петрович посмотрел на свой безупречный диагноз, потом на чайник, который снова начинал наигрывать какой-то забытый фокстрот.

— Начать, — медленно произнес он, — придется с анамнеза. Мне нужно найти „сердце времени“ этого дома.

Глава 10. О временном анамнезе, артефакте-регуляторе и пульсе прожитых лет

Понятие «сердце времени» было ненаучным, нематериальным и, что хуже всего, совершенно не прописанным ни в одном из известных Авдею Петровичу руководств. Это была чистая поэзия. А с поэзией, как он успел убедиться, в этом доме следовало считаться.

— «Сердце времени», — задумчиво повторил он. — Это нечто, что задает ритм всему дому. Регулятор. Метроном. Серафима Аркадьевна, в доме есть или был какой-то главный, центральный механизм, связанный со временем? Помимо этих сломанных часов.

— Главный механизм? — переспросила она. — Да мы тут всегда по солнышку жили. Петухи кричат — вставать пора. Солнце в зените — обедать. Тень от яблони до колодца дотянулась — корову доить. Какой тут механизм.

Авдей понял, что прямой вопрос не работает. Нужно было зайти с другого конца.

— Хорошо. Давайте рассуждать логически, — он снова почувствовал себя в своей тарелке, едва произнес это слово. — У нас есть три симптома. Часы идут назад, на веранде — зима, в кладовке — ускоренное старение. Они появились одновременно?

— Да нет, что ты, — ответила старушка. — Зима на веранде — та, сколько себя помню, столько и была. Прабабка еще шутила, что это у нас личный ледник для коктейлей. А вот часы... часы-то всего неделю как с ума сошли. И в кладовке беда тоже недавно началась, с месяц, может.

Это была важнейшая улика! Болезнь не была единой. У нее были разные стадии, разные очаги, возникшие в разное время.

— Так, — Авдей начал рисовать в своем журнале схему, похожую на генеалогическое древо болезней. — «Веранда» — симптом хронический, врожденный. «Кладовка» — обострение, месяц назад. «Часы» — острый приступ, недельной давности. Это не одна болезнь. Это осложнения! Что-то сломалось месяц назад и вызвало цепную реакцию!

Он вскочил, полный азарта.

— Серафима Аркадьевна, вспоминайте! Что произошло в доме или рядом с домом примерно месяц назад? Что-то необычное. Упало дерево? Ударил молния? Приезжали дальние родственники?

Она наморщила лоб, перебирая в памяти дни.

— Да вроде ничего такого. Обычная жизнь. Поросята в хлеву, куры на насесте. А, нет, постой. Гроза была. Сильная, какой давно не бывало. Как раз где-то с месяц назад. Молния так шарахнула, аж дом присел. Я думала, в трубу попало. Но нет, обошлось. Только...

— Что «только»? — вцепился в нее взглядом Авдей.

— Да петух наш, Борька, охрип. Испугался, бедолага. Неделью молчал, а потом как закукарекал — все стекла в курятнике задрожали. Да только не по-петушиному, а как-то странно.

— Как — странно?

— Ну, то по-совиному ухнет, то иволгой засвистит. А вчера, слышу, куранты бьют. Натурально, как на Спасской башне. Только двенадцать раз, хотя на дворе и полудня не было.

Авдей замер. Петух, который кукарекает курантами... В этом доме даже домашняя птица была с аномалиями. Но это была не та ниточка.

— Нет, не то. Сама молния! Куда она ударила?

— Да говорю ж, не в дом. Рядом где-то, в поле.

— Мы должны проверить! — решительно заявил инспектор.

Они вышли на задний двор. Серафима Аркадьевна указала на старое, могучее дерево, стоявшее на холме в сотне метров от дома.

— Вроде где-то там бахнуло.

Они пошли через поле. Чем ближе они подходили к дубу, тем сильнее Авдей чувствовал нечто. Воздух становился плотнее, в нем появилась едва уловимая вибрация, похожая на тиканье невидимых часов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.